

DOI: 10.25693/SVGV.2020.01.30.04
УДК 94(571.56)''1941/1945''

Картина войны глазами якутов (1941–1945 гг.)

В статье предпринята попытка историко-этнографической интерпретации картины войны в национально-этническом сознании якутов и связанных с ней мотивации поведения и духовно-морального состояния народа как на фронтах Великой Отечественной войны, так и в глубоком тылу. Важное значение в контексте исследуемой проблемы имеют мифотворчество и мифологизация в предвоенные и военные годы. Это касается таких социально-политических и экономических явлений, как коллективизация, культурная революция, борьба с шаманством, а также настрой и поведение солдат на фронтах. Особое место отводится влиянию устного народного творчества на формирование статуса и личности воина-защитника. Впервые затронута тематика фронтового фольклора солдат-якутов. Большое внимание уделяется жизни колхозников в условиях военного голода. Рассмотрено значение мифоритуальной практики в духовной мобилизации народа.

В качестве источников, наряду с этнографическими и фольклорными данными, использованы фронтовые письма, материалы республиканских газет, мемуарная и краеведческая литература, устные рассказы как свидетельства историко-культурной памяти военного и послевоенного поколения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Якутия, мифотворчество, мифологизация, фронтовой фольклор, военный голод, ритуальная практика, ысыах Победы

В последнее время отечественная историография пополнилась целым рядом серьезных исторических и историко-психологических исследований по изучению массового сознания, духовно-морального состояния и мотивации поведения людей в военных условиях 1941–1945 гг. [Анисков, 2003; Зима, 2000; Народ и война ..., 2010; Сенявская, 1995, 2006; Сеницын, 2018 и др.]. По мнению исследователей, в массовом сознании элементы социальной психологии, нравственные и мировоззренческие установки, уходящие корнями в национально-этнические традиции и быденную жизнь людей, органически переплетаются с идеологическими установками, целенаправленно формируемыми структурами власти [Сенявская, 2006, с. 25].

На чувствах и настроениях населения военного времени в каждом регионе СССР сказывались обстоятельства, связанные как со своеобразием его исторического развития, с социально-этническим составом, уровнем экономики, образования и культуры, так и с его расположением (в оккупации, на линии фронта, в глубоком советском тылу и пр.). По данным переписи населения 1939 г., в Якутии проживало

413 198 чел., в т. ч. якутов 233 273 чел., из которых в сельской местности проживало 217 786 (93,3 %) [Всесоюзная перепись ..., 1992, с. 23]. Накануне войны завершился процесс коллективизации сельского хозяйства. К 1940 г. в колхозы было объединено 96,6 % всех хозяйств. В результате основа традиционного скотоводческого хозяйства была значительно подорвана. Так, с 1928-го по 1940 г. поголовье крупного рогатого скота сократилось на 43,4 %, что связано, в основном, с его забоем в первые годы коллективизации из-за боязни раскулачивания, необходимости выполнять план госпоставок и индивидуального обложения сельхозналогом [Санникова, 1999, с. 14]. Война началась на пике неурожайных годов. Группа вилюйских, часть заречных центральных районов страдали от многолетней засухи, сопровождавшейся нашествием саранчи. В это время происходило резкое сокращение размеров личного хозяйства колхозников согласно Постановлению ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания» [Алексеев, 2006, с. 62–63]. Колхозное движение имело и положительные стороны – прежде всего в транс-

формации образа жизни сельского населения. Увеличилась обеспеченность техникой, открылись курсы по подготовке специалистов, а процесс укрупнения традиционных поселений, состоящих из одного-двух хозяйств, приобрел планомерный характер. На 1 января 1941 г. в новых сельских поселках было 9,8 тыс. хозяйств, или почти одна пятая часть сельских жителей [Народ саха ..., 2003, с. 249].

Главной социокультурной составляющей послеоктябрьской эпохи стала культурная революция, одной из задач которой являлось преобразование национальных культур в единую «социалистическую культуру». Если в первые годы советской власти особенности социального и культурного развития народов частично учитывались, то уже к 1930-му г. стала набирать силу политика унификации всей общественной жизни, в том числе и системы ценностных ориентаций и социальных установок. Особенно сильным гонениям подвергалась сфера духовной культуры, связанная с традиционными верованиями, которые считались одним из основных препятствий к установлению коммунистической идеологии. Это констатировал Г.В. Ксенофонтов в своем письме академику Ю.К. Соколову от 25 ноября 1935 г.: «Полевая работа была закончена мною еще до приступа к коллективизации, когда психика якутов и их мифологическое умонастроение не получили тяжких ударов от хозяйственных и культурных мероприятий Советской власти» [Мухоплева, Павлова, 2019, с. 348].

Именно в эти годы происходило насильственное вытеснение шаманства с исторической сцены. Шаманы как служители религиозного культа считались классово чуждыми элементами и к ним применялись жесткие меры: лишение гражданских прав и прав собственности, уголовное преследование, публичные суды. В этот период отмечается своего рода уникальный процесс возрождения «героического» мифотворчества: появляется целая серия мифов, легенд и рассказов о последствиях публичного суда над шаманами, в которых, как правило, проклятия всегда настигали самых ярых представителей «воинствующего атеизма» [Бравина, 2018, с. 36–38].

20 июня 1941 г. на страницах республиканской газеты «Кыым» на якутском языке вышла критическая статья М. Боякинова, председателя

областного совета Союза безбожников. Он пишет, что, несмотря на заверения руководителей районных и наслежных ячеек «безбожников» о полном искоренении верующих, имеются вопиющие факты, свидетельствующие об обратном. Например, летом 1940 г. в Хоринском наслеге Усть-Алданского района слухи о привидении абаасы, обитавшем в юрте в местности Хонор, затормозили сенокосные работы. В Найахинском наслеге рассказы о вещем сне одного из колхозников о предстоящей массовой гибели односельчан посеяли панику среди населения. В Соттинском наслеге двое колхозников практиковали обряд проклятия, вскармливая ритуальной ложкой дух огня. Во 2-м Оспехском наслеге в помощь роженице позвали удаганку, которая с целью изгнания злого духа совершила обряд «дьалбыйыы» [Боякинов, 1941].

До второй половины 1930-х гг. политическим гонениям подвергся и «феодално-байский» фольклор [Васильев, 1973, с. 133–137]. Только после I Всесоюзного съезда советских писателей и благодаря целенаправленной работе НИИ языка и культуры при СНК ЯАССР по сборанию и изучению фольклора устное народное творчество якутов получило законное право на существование.

Отрицание традиций (в том числе этнической морали) и полное подчинение выбора средств поставленным целям (построить «новое общество») на фоне страха репрессий «буржуазных националистов» и раскулачивания привели к кризису ценностных основ этнической культуры. Для неграмотного, небольшого по численности народа единственным средством выживания оставалось принятие (хотя бы чисто внешне) насаждаемой идеологии и следование новым правовым и моральным установкам. В результате заметно изменилось мировоззрение определенной части населения, особенно молодежи, для которой идеи социализма являлись абсолютной истиной. В полевых материалах А.А. Саввина, сделанных им в 1940 г., зафиксированы удручающие факты предвоенной жизни якутских колхозников: «С недавних пор, начиная примерно с 1930-х гг., якобы по причине нехватки рабочих рук, отмечаются случаи, когда умершие лежат непогребенными в течение нескольких дней. Например, по словам В.Ф. Борисова, в Амгинском районе в местно-

сти Соморсун Арыылаага, покойника, умершего во время весеннего посева, опустили в подполье: “Ну, похороним по окончанию посева”. В Чурапчинском районе в Болтогинском наслеге погребения состоялись: Дырыбыана Семенова – на 9-й день после смерти, Тыккы уола – на 7-й, сына Торулукова – на 6-й, жены Бысый Ильи – на 12-й, Николая Догордунова – на 6-й день. Эти люди все были бедными колхозниками. Сейчас все обнищали до последнего. Для того, чтобы похоронить покойника, колхоз не выделяет трудодень. Тыккы уола был колхозником и комсомольцем, когда он умер, в течение шести дней на одной наре в обнимку с ним лежала и плакала его престарелая мать. И никому до них не было дела... 50-летняя Семенова Праксавья Андреевна, родная сестра С.А. Новгородова (первый ученый-лингвист из якутов, основатель якутской письменности. – Р.Б.), будучи тяжело больной, сказала мне: “Вот лежу с одним желанием умереть бы до сенокоса. Народ уйдет на сенокос на дальние угодья, тогда некому будет меня похоронить”» [РФ архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 70. Л. 344–346]. Заслуживает внимания то, что вышеприведенный материал рассказывает о погребальной обрядности, отличающейся особым консерватизмом и сверхустойчивостью, что можно определить как «культурный шок», суть которого – конфликт старых и новых культурных норм и ориентаций на уровне индивидуального сознания.

Население республики предвоенного периода по возрастным критериям можно разделить на три группы: родившиеся еще в XIX в., в начале XX в. и в годы «триумфального шествия» советской власти. Среди старшего поколения, сохранившего традиционный менталитет, надвигающаяся Великая Отечественная война представлялась Страшным судом за все прегрешения, содеянные человечеством. Повсеместно распространялись рассказы о видениях, предостережениях, ниспосланных с небес. Рассказ об одном таком «знаке Вселенной» содержится в воспоминании П.И. Потапова, 70-летнего жителя Эльгяйского наслега Сунтарского района, записанном в 1993 г.: «В довоенное время жила в нашем наслеге Мария Алексеевна Петрова – Араатар Маарыйа (букв. Оратор Мария), прозванная так за то, что любила рассказывать предания и былички, разные истории из жизни ре-

альных людей. Жила она в маленьком алаасе со своим малолетним сыном, держала одну корову. Строго придерживалась старых традиций и обычаев («айыымсах»), обращалась к людям с благословением («алгыстаах»). Мы тогда учились в Хоринской школе, и жившие по соседству ребята часто ходили группой. По дороге в школу заходили к Марии погреться, попить чайку и слушать ее увлекательные рассказы. Любили ее как родную бабушку, во время каникул даже скучали по ней. Однажды поздней осенью она встретила нас необычно тихой и испуганной. На вопрос, что случилось, она поведала, что ночью они с сыном не смыкали глаз. Вечером на восточной стороне неба они заметили яркое светлое пятно, которое медленно приближалось к их алаасу, увеличиваясь в размерах. Вскоре стало светло как днем, и одновременно стали слышны рев коров, ржание лошадей, плач женщин и детей. “Сын, сильно испугавшись, забился под матрас, – рассказывала она, – а я впала в ступор из-за страха – не сошла ли с ума. Этот свет диковинный, медленно отдаляясь, ушел в сторону запада. Вот думаю, что за лихо, сверкая подобно солнцу, надвигается на нас? Видимо, скоро наступит конец нашей спокойной жизни”. На следующий день мы ее не застали на месте, юрта встретила нас голыми стенами. Потом уже, когда началась война, люди часто вспоминали видение Марии и говорили, что небесные божества таким образом заранее предупреждали о предстоящей войне, засухе и голоде» [Аввакумов, 2006, с. 39].

Материалы газеты «Кыым» в преддверии войны самые безоблачные: переводы передовиц «Правды», статьи о состоянии сельского хозяйства, о подписке на заем третьей пятилетки. Постоянная рубрика «Дневник военных действий в Европе, Африке и Азии» не содержит никаких комментариев, вселяя уверенность, что война идет где-то очень далеко. В номере от 22 июня размещены материалы о ходе подготовки к сенокосной страде, мелиоративных работах в Чурапчинском районе, советы по оформлению настенных газет для сенокосных бригад. Последняя страница почти целиком посвящена культурной жизни страны – о заседании АН СССР, посвященном памяти пролетарского писателя М. Горького, творчестве художника-юбиляра М.В. Нестерова, открытии фабрики скрипок в

Москве и т. д. Экстренный выпуск газеты вышел 23 июня на одной странице – с переведенным на якутский язык выступлением В.М. Молотова по радио. 24 июня опубликованы указы о мобилизации, военном положении, военном трибунале, отчеты о митингах трудовых коллективов. На последней странице втиснута новость от 19 июня: в Самарканде вскрыли гробницу Тимура. «В гробу обнаружен скелет, по которому было установлено, что одна нога погребенного короче», – сообщала газета [Бравина, 2005, с. 225].

Во многих улусах тогда не было радиовещания, почту завозили один раз в неделю и то с большими задержками, поэтому о начале войны сельские жители узнали лишь на четвертый-пятый день из телеграмм районных комитетов партии. В памяти пожилых якутов ожили шаманские пророчества о предстоящей вселенской битве, когда «... молодых ребят-якутов заберут на войну солдатами, цельное тело их изранится, а из расколотых костей их возведут горы». Молодое поколение в русле довоенной пропаганды («малой кровью», «на чужой территории») восприняло весть о начале войны с патриотическим подъемом, с верой в скорую победу. В сознании якутов, которых не призывали в армию в годы Первой мировой войны, призыв на Великую Отечественную войну был воспринят как свидетельство равноправия малочисленного народа, затерявшегося далеко на севере, среди братских народов СССР.

В первые месяцы войны в национальной политике СССР отмечается отход от прежней идеологии пролетарского интернационализма в сторону национально-патриотической идеологии, основанной на устном творчестве и традиционных ценностях народов. Произведения певцов тойуксутов и сказителей олонхосутов возродили в менталитете якутов высокий статус воина боотура – защитника племени айыы аймаҕа и благополучия Среднего мира. В песнях-импровизациях борьба советских бойцов-якутов с посланцами «темнокоричневого шамана Гитлера» – «стальными трехголовыми совами» (немецкими бомбардировщиками), нечистью адьарай – немецкой пехотой, сравнивалась с борьбой богатырей олонхо с подземными чудовищами. В олонхо воспевается подвиг «железо-стального» богатыря Сталина в сраже-

нии против огнедышащего Могоя – мифического змея – главы Нижнего мира. Даже в самые тяжелые первые годы войны произведения неизменно заканчиваются описанием поражения черных сил ненавистных врагов [Гурвич, 1948].

С началом войны народные певцы публично обращались с проклятием кырыыс в адрес фашистских захватчиков. В архиве ЯНЦ СО РАН хранятся тексты проклятий, записанных со слов бывшего шамана П.А. Абрамова-Алаадьы и певца из Сунтарского района Е.М. Федорова. По форме оба проклятия выдержаны в традиционном стиле. Так, Федоров в зачине текста делится горем, постигшим его. Сообщает, что получил черное письмо, страшную весть – погиб от фашистской пули единственный сын, который для него «что солнце», что его утешает только одна мысль о том, что сын погиб за Родину. Далее отец возмущается, перечисляя злодеяния фашистов, и проклинает Гитлера от имени советского народа: «В отдаленном краю, в проклятом месте (живущий), привыкший проливать кровь, имеющий страсть убивать-губить, с уделом от проклинающего рока, утоляющий жажду кровью густой, возвысивший себя в обширном краю, убивая людей, с закатывающимся солнцем, наихудший из нечистей злонравное чудовище Гитлер!» [Мухоплева, 1991, с. 123–124].

Уходящих на фронт сыновей родители и односельчане провожали заклинаниями-алгыс, желая им славных боевых подвигов и благополучного возвращения. 31-летний учитель из с. Чыаппара Чурапчинского района, в будущем герой Сталинградской битвы артиллерист Г.Д. Протодьяконов, отправляясь на войну в сентябре 1941 г., написал стихотворение-клятву «Бар дьонум бырасты! / Прощай, мой народ!» [Гавриил Дмитриевич Протодьяконов, 2005, с. 85–87]. Знаменитый снайпер, будущий Герой Советского Союза А.А. Миронов с фронта писал жене: «Следуя традиции богатырей эпоса олонхо, восклицавших перед сражением “Для чего рождается мужчина, для чего рождается жеребец?”, перед отправкой на фронт я тебе сказал, что вернусь либо в ореоле военной славы, либо погибну на поле боя, одно из двух. Даже будучи убитым, встану, чтобы снова идти в бой» [Саллааттар суруктара, 1970, с. 115]. Война обусловила формирование в этническом сознании культа воина-защитника, отождествляя его

с эпическим героем. В олонхо отсеченная голова убитого в сражении богатыря просит главу белых божеств Юрюнг Аар Тойона и божество судьбы Дьылга Хаан Тойона вновь вернуть ей тело, чтобы, возрожденный, богатырь довел борьбу до победного конца [Васильев, 1973, с. 174].

Первые призывники из Якутии отправились на фронт летом – осенью 1941 г. Дорога до станции Мальта Иркутской области, где проводилось обучение воинов, занимала почти месяц. Военные сборы проходили в основном в Якутске. Часть призывников из вилюйских районов добиралась пешком, следуя по старинной тропе предков, до с. Турукта Олекминского района. Далее мобилизованных отправляли на пароходах до речного порта Усть-Кут, отсюда на машинах доставляли до конечного пункта. Судя по письмам, организация перевозки призывников не была разработана до конца. Письма содержат советы землякам – будущим призывникам, чтобы запасались продуктами и куревом, брали с собой теплые вещи, одеяло и легкий матрас. «Счастье, когда удастся занять кровать, а так спим на полу, подстелив телогрейку, подложив под голову котомку». Коротали время, слушая олонхо и песни тойук, делясь своими сновидениями. «Постоянно обсуждаем, что кому приснилось, – писал Н.В. Степанов, призывник из с. Бердигестях, 9 октября 1941 г. – Толкование снов у каждого вселяет надежду вернуться» [Мин тыыннаахпын биллэрэбин..., 1995, с. 96]. Во время остановок парохода разминались, устраивая на берегу Лены хороводный танец осуохай и состязания по национальным видам единоборств.

В письмах мобилизованных очень часто встречается выражение «Дьылҕам билиэ – [пусть] рассудит судьба». А.Ф. Потапов, призывник из Горного района писал родным: «Пусть рассудит судьба-счастье! Если мужчина, родившись один раз на свете, погибнет за защиту Отчизны, то не велика будет беда!» [Мин тыыннаахпын биллэрэбин..., 1995, с. 31]. Мифологическое сознание допускало, что только благодаря активной позиции, инициативе и личным качествам (смелости, рискованности, оптимизму) человека может постигнуть счастливая судьба. Идеал доброго молодца («уол оҕо барахсан»), воспеваемый в песнях тойук, это когда он «разрываясь – вновь уцелевает, затонув – вновь всплывает, умирая – вновь воскресает».

Боевое крещение якутяне приняли в ноябре 1941 г. в боях под Москвой. В.И. Сивцев, уроженец Намского улуса, 30 октября 1941 г. писал: «Защищая г. Малоярославец, сражались 15 дней. Мы оказались на самом гиблом месте. Очень много погибших и раненых. Из нашей роты в живых остались немногие. Сейчас находимся на отдыхе, но скоро опять уходим на передовую. Сражение в реальности – это очень опасное и страшное дело. Как вы живете? Я буду писать, пока жив. Если погибну, то может быть известят. Родившись в суровый век, обречен я на страдания. Пока прощайте. Я остаюсь на фронте – в огнедышащем пекле» [Саллааттар суруктара, 1970, с. 30].

И все же героический аспект войны, отраженный в письмах, явно уступал по значимости житейскому, будничному, повседневному, потому что даже под пулями, рядом с кровью и смертью, жизнь продолжалась. Воинов-северян занимало все – природа Средней России («трава здесь высокая!»), состояние посевов, поражали воображение невиданное ранее разнообразие овощей, большие города («жаль, Москву не видели!»). Старались успокоить своих близких («все у меня хорошо») и что на войне «только первый бой страшен». Их больше волнуют семьи, положение в тылу, новости малой родины. «Моя Родина – это Анхайдаах, Ампаардаах, Ньюолдбах, Бэс Күөлэ и другие места, от одних названий которых щемит сердце» (из письма И.В. Федорова, уроженца Атамайского наслега, ныне Горного улуса, от 14 августа 1942 г. [Мин тыыннаахпын биллэрэбин..., 1995, с. 13]). В коротких передышках между боями многие солдаты писали стихи, посвященные любимым, родному далекому краю, тяжелым фронтовым будням [Саллааттар суруктара, 1970, с. 75–282 и др.]. Сильно тосковали по национальной кухне. Р.В. Ноговицын писал родным: «Человека энергией питает белая (молочная – Р.Б.) пища. Белая пища да мясо дают человеку силу. Я питаюсь вроде бы нормально, но здешняя еда никакая по сравнению с нашей якутской» [Мин тыыннаахпын биллэрэбин..., 1995, с. 105]. Многие в своих письмах просят родных, чтобы к их возвращению оставили гостинцы – сбитого масла чохоон, жирной конины.

Положение якутских солдат осложнялось тем, что среди них было много плохо владевших

русским языком или совсем не знавших его. Поскольку официальным командным языком был русский, то от непонимания команд и распоряжений командиров были случаи невыполнения приказа, нарушения военной дисциплины, нелепых смертей в первых же боях. Если из призывников союзных республик создавались национальные воинские формирования, то якуты из-за малочисленности распределялись небольшими группами в разные подразделения. Незнание языка и менталитета русского народа порой приводило солдат-якутов к вынужденной изоляции, формированию комплекса неполноценности, ущемлению их прав. В очерке Г. Атласова «Как представленный к званию Героя солдат не получил заслуженную награду. Рассказ познавшего горечь обиды солдата» речь идет о С.С. Титове, уроженце Мегино-Кангаласского района, кавалере четыре боевых орденов и многих медалей. Он был родным племянником известного в Якутии своей силой легендарного Кююстээх Десяткина. Физически крепкий и сильный якут служил в разведгруппе полка, которая однажды взяла в плен немецкого генерала с важными документами. При отходе завязался бой, и в живых остались трое. «Всю ночь шли. Я тащил за собой генерала на веревке как корову». Ознакомившись с папкой документов, командир дивизии на радостях объявил о представлении всех троих к званию Героя Советского Союза. «Спустя десять дней состоялась торжественная церемония вручения наград, – рассказывает ветеран. – На поляне построились несколько сот солдат. Командир дивизии объявил: “В вашем полку служат храбрые, смелые солдаты, настоящие герои! Они взяли в плен немецкого генерала. За этот подвиг они награждаются высоким званием Героя Советского Союза! Карпенко Анатолий Иванович! Тарасов Сергей Александрович!”. Все притихли в ожидании продолжения. “А самого старослужащего, ветерана нашей дивизии и полка, храброго разведчика, Титова Семена Семеновича, за участие в захвате немецкого генерала наградить орденом Славы III степени!”. Тут же раздались возмущенные голоса солдат: “Как это так? Почему обделили Титова?”. На что комдив ответил: “Я отправил представления на всех троих, но сверху рассудили иначе”. Свой рассказ солдат закончил словами: “Если

бы я владел русским, то вернулся бы с войны с кулем, наполовину заполненным орденами и медалями” [Атласов, 2016].

Такие случаи были не исключением. В конце 1970-х гг. известным историком Д.Д. Петровым в архиве Министерства обороны СССР было обнаружено около 10 тысяч донесений командиров воинских частей о представлении воинов-якутян к боевым наградам. Многие из них не соответствовали наградным листам, особенно это касалось звания Героя Советского Союза [Петров, 2015, с. 130]. Не удостоились в свое время звания Героя прославленные снайперы Ф.М. Охлопков, И.Н. Кульбертинов, А.А. Миронов, Д.А. Гуляев, артиллерист Г.Д. Протодьяконов и др.

«Сеня, ты учишься старательно, – писал Н.Н. Максимов, призванный из с. Бердигестях, обращаясь к малолетнему сыну. – Желаю, чтобы ты стал образованным человеком. Особо налегай на русский. Оказывается, он главный государственный язык. Не владея им, невозможно общаться с солдатами других братских народов. На фронте все команды, приказы и распоряжения даются только по-русски. Незнающий русский язык здесь тяжело страдает» [Мин тыыннаахпын биллэрэбин..., 1995, с. 24].

Этой проблеме посвящена статья «Бойцы-якуты», опубликованная в газете 36-й армии «Вперед к победе» от 19 ноября 1943 г. В ней говорится, что большинство молодых бойцов-якутов совершенно не знают русского языка, а некоторые из них впервые в своей жизни видят русских людей. «И тогда, чтобы научить их военной жизни, привлекали к их обучению якутов, в достаточной мере владевших русским языком. Такие команды, как “Встать”, “Подымайсь”, “Смирно”, “Равняйсь” и др. сопровождалась не только переводом на родной язык, но и практическим показом. В день бойцы изучали 15–20 слов», – сообщала газета [Фронтвая печать ..., 1982, с. 96].

Многие солдаты со временем сами начинали понимать русскую речь. Н.Р. Степанов, призванный в 1941 г., в письме родным от 21 января 1943 г. пишет: «Давно не видел ни одного якута. Понемногу начал изъясняться по-русски, сейчас знаю много русских слов, но вот мысли свои не могу высказать» [Мин тыыннаахпын биллэрэбин..., 1995, с. 10]. Оторванные от родной среды, не имея возможности поделиться с боевыми

товарищами своими мыслями, чувствами и переживаниями, они больше страдали от вынужденного одиночества. Какова же была радость воина из Таттинского района Н.С. Кириллина, когда в госпитале под Варшавой с ним по-якутски заговорила русская женщина-врач, работавшая до войны в с. Покровск [Бравин, 1995, с. 19].

Другая проблема в повседневном быту якутских солдат была связана с переводом в предвоенный период письменности многих народов СССР на кириллицу, что было обозначено не как простой технический вопрос, а вопрос глубоко политический. Воины-якуты старшего возраста умели писать только на латинице и по этой причине их письма не пропускались военной цензурой. Есть рассказ о солдате, призванном в 1941 г., от которого в течение шести лет (после войны был задействован в восстановлении Минска) родные не получили ни одной весточки.

Фронтовые письма 1944–1945 гг. свидетельствуют о высоком боевом настрое и оптимизме солдат-якутов. И.В. Кузьмин 20 июля 1944 г. писал родным в Таттинский район: «У меня все благополучно. Меня уважают не только в роте, но и части. Никто меня не задевает. Напротив, удивляются, жалеют, очень интересуются («бэкииһиллэр, аһыналлар, олус сонургуулар»), как якут из далекого края прошел тяжелую войну» [Саллааттар суруктара, 1970, с. 286]. Полно оптимизма письмо 19-летнего солдата из Горного района Н.П. Павлова, который 8 ноября 1944 г. писал матери и брату: «Ваш младшенький сын живет замечательно. Не болею, даже насморком не страдаю. Каждый день стараюсь лишь развиваться, учиться, совершенствоваться в преодолении тягот («Арай күн ахсын үүнэргэ, үөрэнэргэ уонна эрэйи-муну көрсө сайдарга сылдыбын») [Мин тыыннаахпын биллэрэбин..., 1995, с. 27].

Война, сопряженная с величайшими испытаниями и страданиями, не могла уничтожить живую человеческую мысль, эмоции и чувства. Так складывался особый фронтовой, или солдатский фольклор [Русский фольклор Великой Отечественной войны, 1964]. К сожалению, устное творчество якутских солдат осталось незафиксированным*. То немногое, что сохрани-

лось в памяти родных и близких, свидетельствует, что в нем, как в зеркале, отразились народные представления и образы, основные архетипы самосознания народа, связанные с родной землей, этническими традициями и исторической памятью. Г.Д. Протоdjяконов, по воспоминаниям однополчан, в минуты затишья любил петь якутские песни-импровизации, за что его шутили называли «шаманом». Об этом свидетельствуют статьи, изданные в военной периодике – «Песня над курганом», «О чем поет олонхосут». На вопрос «Гаврош, о чем ты поешь?» отвечал: «Скучаю донельзя по родным местам. Как запою тойук так словно камень с души спадает, вздыхаю полной грудью» [Гавриил Дмитриевич Протоdjяконов, 2005, с. 26].

Во фронтовом фольклоре якутов существенное место занимали мифологические рассказы типа «бывальщины». Солдаты верили, что сильные морозы во время битвы под Москвой были ниспосланы якутскими шаманами в помощь советской армии, как говорится в пословице, – «что русскому хорошо, то немцу смерть!». Рассказывали, что будто бы перед Сталинградской битвой на небе появились верхом на конях ставшие после смерти божевами родоначальники Бахсы Айыыта и Болугур Хотуна, и именно они спасли тогда многих солдат-якутов от верной гибели. С.К. Ноговицын, солдат из Бахсытского наслега Чурапчинского района, рассказывал, что в битве под Москвой воевал вместе со своим земляком, выходцем из с. Чыаппара. Однажды ночью, не желая мокнуть в наспех вырытом окопе и спать рядом с убитыми, улеглись под открытым небом на краю траншеи. Ноговицыну приснилось, что к нему подошел Бахсы Айыыта и пинком скинул его вниз. Проснувшись, он обнаружил себя на дне окопа, тут же рядом взорвался снаряд и от земляка ничего не осталось. Другой чурапчинец из Болугурского наслега, кавалер Ордена Славы, участник битвы на Малой земле Н.И. Ботучин рассказывал, что его берегла охранительница их рода Болугур Хотуна. В самых опасных мгновениях он как наяву видел расшитые бисером ровдужные женские торбазы. Фронтвики из Верхневилуйского района связывали свое возвращение домой

* Автор благодарит Т.П. Карпову, П.Р. Ноговицына, Е.Е. Оконешникова, Е.А. Филиппову, сохранивших в памяти рассказы ветеранов войны Чурапчинского, Хангаласского и Сунтарского улусов.

с благословениями практиковавшего тайком шамана Е.Г. Герасимова-Бадыл. Находившийся три долгих года в немецком концлагере в Австрии А.В. Филиппов-Уус Алексей из Шеинского наслега Сунтарского района рассказывал, что накануне освобождения ему приснилась дух-хозяйка родного алааса в образе женщины, сидящей на нарах возле его ног. Она молча смотрела на него и расчесывала распущенные длинные волосы. Потом он оказался на лугу (сыһыы) родного села и бежал, держа в руках два берестяных лукошка, наполненных водой. Чем быстрее он бежал, тем больше расплескивалась вода. «Это были мои слезы», – пояснял он. Ветеран своим спасением был обязан немецкому санитару, который тайком его подкармливал. В его честь солдат назвал своего сына Фенгелем.

Рассказы о душе погибшего на фронте солдата «саллаат кут», посещающей родные места, обратившись в журавля, остаются до наших дней одним из символов памяти о павших на войне якутских воинах.

Несмотря на тяготы и страдания, среди фронтовиков особой популярностью пользовались разного рода байки и анекдоты. Писатель-фронтовик Т.С. Сметанин в вышедшей в 1947 г. повести «Егор Чээрин» с улыбкой рассказывает о фронтовых буднях снайпера-якута и его друга русского Михаила Гурьянова. Повесть, адресованная детям, полюбилась и фронтовикам, которые пересказывали некоторые ее сюжеты в форме солдатских баек. Во время ожесточенного боя Егор Чээрин в запале кричит Гурьянову на якутском языке: «Мотуруонна аҕал, мотуруонна, мотуруонна! (Патроны, дай патроны, патроны!)». Гурьянов, улыбаясь, спокойно спрашивает: «Что? Матрена? Какая Матрена?» [(Сметанин, 1985, с. 20)].

Илью Николаевича Платонова, вернувшегося с войны с семью боевыми наградами, из-за чего его окрестили «Сэттэ Мэтээл» (буквально – семь медалей), называли якутским Василием Тёркиным. Он был призван в августе 1941 г. из Чурапчинского района. Прошел всю войну – от Сталинграда до Вены – и завершил боевой путь в Хингане, в боях с Японией. В первые месяцы войны попал в окружение, откуда вышел таким обросшим и вшивым, что особисты, брезгуя, не стали его долго задерживать и быстро отпустили обратно на фронт. «Так долго воевал, что

меня знали все немцы», – говорил он. – Как-то нашёл большой камень и, прикрываясь им от пуль, толкаю перед собой. Вдруг мой валун сталкивается с другим камнем, за которым оказался немец. Он, увидев меня, сильно обрадовался: “Ылдьаа (Илья), это ты что ли ...”». Во время уличных боев в Познани, вечером в темноте он присел на крыше одного из домов по нужде. В какой-то момент, услышав шорох, заметил, что напротив него сидит фриц, тоже справляющий нужду. Закончив свои дела, оба встали и пошли, пятясь назад, к своим. «Устройство у всех одинаковое», – философски объяснял он тот курьезный случай. После войны приехал солдат-орденоносец с трофеями, купил корову по дороге домой в Чурапчу, а там все родные умерли из-за голода. Со злости и горя, чуть не избив председателя колхоза, он переехал на постоянное жительство в Орджоникидзеvский (ныне Хангаласский) район.

Между тем население в глубоком тылу в экстремальных условиях военного голода изо всех сил трудилось во имя Победы [Петров, 1992]. Во всех сельских районах по законам военного времени колхозники не обеспечивались продовольственной карточкой. Большинство личных хозяйств пришли в упадок еще в период коллективизации. При отсутствии мужчин старики, женщины и дети не могли пропитаться за счет охоты и рыболовства. Многие семьи утоляли голод пролежавшими несколько лет шкурами животных, сдирая их даже с дверей юрт. Люди начали умирать целыми семьями. По подсчетам Н.Х. Дьяконова, в 14 центральных и вилюйских районах только в 1941–1943 гг. погибло от голода 19,2 тыс. чел. [Дьяконов, 1992]. Среди причин военного голода были засуха, перегибы власти в организации заготовок сельхозпродуктов, налоги, подписки на военный заем. На руководящих постах в Обкоме ВКП (б) были кадры, назначенные ЦК партии, слабо знающие и мало вникающие в особенности жизни и быта якутской глубинки. Сигналы о голоде расценивались ими как панические, подрывающие устои социализма. Под страхом ареста по статье «вредительство» нельзя было унести с колхозного производства килограмм турнепса или литр обрата – обезжиренного молока, собирать колосья с уже убранных полей, косить сено даже в отдаленных заброшенных участках. В годы войны

в Якутии по этой статье было заведено 63 тыс. уголовных дел [Алексеев, 2006, с. 63–66]. Каждый килограмм зерна или мяса, шкурка пушного зверька оценивались в единицах боеприпаса. «Нам объясняли, что за одну беличью шкурку можно купить одну американскую гранату, а одной гранатой можно уничтожить несколько фрицев», – вспоминает кадровый охотник из Томпонского района [Үөгэн ууһа ..., 2012, с. 72].

Исследования доказывают высокую ритуальную запрограммированность обыденной жизни человека в особо кризисные моменты. Именно ритуалы снимают ощущение тревоги и страха, поднимают моральный дух, боевой настрой, мотивируют на смелые, порой отчаянные действия. С началом войны в селах вновь начали практиковаться шаманские камлания. Шаманы во имя победы тайно проводили обряд посвящения божествам айбы конного скота «кый үүрүү». Хотя посвященные лошади числились за колхозом, они ходили вольно, сами по себе, и люди узнавали их по длинным гривам. По рассказам бывшего шамана из Сунтарского района Н.А. Парфенова-Куобах Уола, в те годы сами представители советской власти тайком обращались к шаманам с просьбой совершить обряд «кэйээрин» – поимки и кары души дезертиров и воров, занимающихся кражей скота. «При угоне скота разжигают костер и угощают огонь жиром и конскими волосами. Затем берут маленький лук-самострел и поют протяжно: “Кэйээриэн, кэйээриэн” и произносят несколько раз имя подозреваемого в краже. Тогда к огню приплывает что-то вроде тумана, тени. Это душа кут человека, которого окликали по имени; в нее и стреляют из лука. Говорят, что тем, кто стрелял, чудилось, что стрела попадала во что-то [твердое]. Это попадают в кут того человека. Стрела поражает подозреваемого только тогда, когда он виноват в самом деле, и тогда он умирает по истечении нескольких дней» [РФ архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. хр. 67. Л. 52].

18 июня 1942 г. руководство Сунтарского района для поддержки морального духа населения решило провести ысыах в местности Мэльдэкэ в Кюкэйском наслеге. По преданиям, в старину существовала особая группа ысыахов, посвященная военной удаче, победе [Васильев, 1995, с. 173]. «Путь из с. Кутаны составлял 15 км и мы – нас было 23 человека – отправи-

лись пешком, – пишет известный краевед Н.И. Иванов-Куола Уччутал. – В середине алааса, возле ивняка, были развешаны красные плакаты, возле них сооружена маленькая трибуна. Для организации и проведения ысыаха прибыл уполномоченный района В.К. Аргунов. Собравшиеся люди, в том числе дети и молодежь, стояли молча, вздыхая. У всех был печальный вид. Уполномоченный, открывая церемонию, выступил с докладом о ходе войны, героях-фронтовиках, задачах предстоящей сенокосной страды. Затем попросили отца фронтовика – старика Ырыа Сиэнчэ (С.С. Афанасьева) произнести благословение алгыс. Мы стенографировали текст вдвоем, не пропуская ни слова. Старику преподнесли кумысный кубок чорон. Держа сосуд обеими руками, он опустил на левое колено и произнес слова алгыс:

Арџаа дойдуга арџахтаах,
Адъарай биийин уустара
Атыйахтаах уу курдук
Аџа дойдубутун
Аймаары турдулар буолбаат!
Алдьаххайдаах уот сэрии
Аанын арыйда буолбаат!
Киһи кизбин сүтэрбит
Гитлер басыыстара,
Кэнчээрибитин кэбиннэрээри
Оџолорбутун огдолутаары,
Уоппутун умуруораары,
Өтөхпүтүн эһээри,
Өрөџөлөнөн турбута
Төгүрүк сыла буолла.
Былыр былыргыттан
Саха ураанхай саџаттан,
Кэһиллибэт кэс тылбытынан
Дьоммутун, оџолорбутун өлөттөрбүт
Тыйыс саха аатыттан,
Тобуктаах сотом үрдүгэр
Токуллан олороммун,
Үс унаар түптэ ортотугар
Ынырыктаах ыар кырыыс тылын
Эттэџим, онолуйдаџым буоллун!
Сахалыы санабыт иччитэ,
Саталлаах халлааны хайа тыыран,
Алдьаххайдаах сэриини
Аанын аспыт адъарай аймаџын
Арџаџар быһа дьулуруйуохтун!
Үгүс дьон ыар дьиппиэ саната,
Үмүөрүһэн тийиэн

Сытыгы батас буолан
Сүннүүлэрин быһа түһүөхтүн!

С берлогой в западной стране,
Роды из племени нечистой адьарай
Отчизну нашу,
Как воду в берестяном лукошке,
Будоражить вздумали!
Гибельная огненная война
Врата свои настезь открыла!
Потерявшие человеческое обличье
Гитлеровские фашисты замыслили
Потомство наше истребить,
Детей по миру погонять,
Погасить семейные очаги,
Уничтожить родные дома,
[С тех пор] прошел
Круглый год.
С давних времен,
По традиции предков саха ураанхай,
Нерушимым клятвенным словом
От имени суровых якутов,
Потерявших родных и детей,
Преклонив колено свое,
Сидя согнувшись,
Посреди трех дымокуров,
Страшные слова проклятия
Произношу громко и протяжно!
Дух-хозяин якутской речи,
Разрезая сакральное небо вдоль,
Страшной войны
Врата открывшее племя адьарай
Отгони обратно в свое логово!
Суровый голос многих людей,
Сбиваясь в великую толпу,
Подобно острому мечу
Пусть отсечет [врагам] шейные позвонки!
(Перевод наш. – Р.Б.)

(Из толпы раздается возглас одобрения старого человека: “Оннук! Оннук!”).

Үрүн күн сирин,
Үтүө күндү олобун
Өнөйбөккө умсуохпут!
Илбистээх, иччилээх,
Имэннээх тылбытын истэн,
Сэриитин тохтоппот буоллабына,
Үгүс дьон кырыһыгар таптардын!
Икки чанчыгар

Чээкэй өлүү дьиилэннин,
Күлтэгэр харахтарын
Тэһитэ уулаатын!
Илиитэ, агаба сидьик ыарыы
Буолан сиритэ сытыйдын,
Этэр эт чоруун тыла
Эппэт кэлэбэй буолан
Кэтэбэр чороччу таттын!
Иирэр өлүү буолан
Иннин кэннин билбэккэ,
Ийэ кутун буор туппатын,
Эттээх тириитин уот салаатын,
Киһитэн төрөөбүт киибэс буоллабына,
Дьахтартан тахсыбыт дьабын буоллабына,
Кырыыс тылбыт
Кыырайан тийиэхтин,
Эппит тылбыт
Этиннээх чабылбан буолан
Ийэ сирбитин унуордаан,
Атахтарыгар адаба,
Моойдоругар холоукка буолуохтун,
Көрөр харахтарын салахай сабыахтын!
Кирдик иһин охсуһар
Кыһыл былаах сирдьиттээх
Сталин армията кыайахтын!
Партия сирдьиттээх,
Улуу нуучча доҕордоох
Норуот кыайахпыт!

На белом свете [иначе]
Благополучную жизнь
Не увидав, погибнем!
Услышав грозную, вещую,
Страстную нашу речь.
Если [враг] не остановит войну,
Пусть попадет под проклятие многих!
На его двух висках
Пусть поселится дух слепоты чээкэй,
Выпученные глаза его,
Высасывая насквозь!
Ноги и руки от проказы
Пусть сгниют заживо,
Язык, торчком прилипнув к затылку,
Пусть превратит в заику,
Не выговаривающего ни слова!
Становясь духом сумасшествия,
Пусть не разберет где перед, а где зад,
Пусть мать-душу его не возьмет земля,
Пусть огонь лизнет кожу с мясом.
Если он, рожденный человеком

Могильщик – кийбэс,
Появившееся из женщины исчадие,
Проклинающее наше слово
Настигнет, метнувшись вдаль,
Высказанные нами слова,
Превратившись в гром и молнию
По ту сторону нашей родины,
Превратятся в кандалы на ногах,
В колодку на шее,
Прикроют глаза врага
Вязкой слизью!
Сражающаяся за правду
Под красным флагом,
Пусть победит армия Сталина!
Руководимый партией,
В дружбе с великими русскими
Наш народ победит!

(Перевод наш. – Р.Б.)

Закончив свое благословение алгыс, старец правой рукой тщательно протер свое лицо и, встав на ноги, обрызгал кумысом дымокуры. Присутствующие вздохнули с облегчением и вступили в хороводный танец осуохай. По обычаю, начались состязания по якутским видам спорта. Одновременно через рупор читали призывы партии воевать до победного конца. У людей были суровые лица, они тихо переговаривались между собой о первой военной зимовке, письмах фронтовиков. Молодые ребята рассказывали, что живут в ожидании парохода, чтобы отправиться на фронт. Никто не говорил о начавшемся в колхозах голоде. Группа стариков из 5–6 человек, обсуждая алгыс, говорили, что слова, высказанные на ысыахе, имеют духа-хозяина и поэтому приобретают магическую силу. Если все народы Отчизны, как один, выскажут вслух свои чаяния, то ни один враг не устоит и придет победа, что подтверждается и вещими снами. Присутствующих угостили понемногу кумысом, других продуктов не было. Никто не жаловался на это – все понимали особенность момента» [Иванов, 1996, с. 100–102].

По сути и содержанию благословение алгыс на этом ысыахе является проклятием кырыыс для врагов – гитлеровских фашистов, – которое завершается благопожеланием в адрес советского народа. В старину алгысом заканчивался и обряд вселения в воина духа кровожадности

«илбис түһэрийи», который проводился перед сражением: «Настал день кровью врагов отмечать перекрестки дорог несчастий и бед, по которым ты (дух войны) будешь зловеще ступать. За это нам кровь черную врагов ниспошли, победу скорую одержать помоги!» [Васильев, 1995, с. 163–164]. Заклинания кырыыс, алгыс и клятва андабар, без всякого сомнения, оказывали сильное эмоциональное и идеологическое воздействие на настрой и состояние людей, как и вся религиозная практика.

В 1944 г. в целях поднятия морального духа населения было принято решение о возрождении национального праздника ысыах. Красная Армия наступала по всем фронтам, час победы приближался, но силы народа были на исходе. Весной 1944 г. в республиканской газете «Кыым» вышла статья народного писателя Кюннюка Урастырова, посвященная роли и значению этого праздника в жизни якутского народа. Автор с сожалением отмечал вырождение ритуала за последние десятилетия: «Кумыс стали готовить в металлических чанах и чайниках, а пить из блюдец и тарелок. Нужно возродить кумысную ритуальную посуду, соответствующим образом оформлять праздничные площадки тюсюлгэ с коновязями сэргэ и молодыми березками чэчир» (перевод наш. – Р.Б.). В то же время предлагалось вместо ритуального сооружения аар багах поставить трибуны [Күннүк Урастырап, 1944]. В Национальном архиве РС (Я) сохранился отчет заместителя начальника Управления по делам искусств А. Макарова. Он отмечает, что наиболее трудным вопросом в организации праздников была разработка их сценариев, «так как многие традиции оказались забыты» и поэтому надо привлечь стариков – знатоков старины и изучить фольклорные материалы. С целью наполнить ысыах «новым социалистическим содержанием» рекомендовалось включить в сценарий «кумысный тост» за Сталина, исполнение гимна Советского Союза, выступление с докладами о международном положении, достижениях советского народа [НА РС (Я). Ф. 3. Оп. 125. Д. 367. Л. 7].

Весной 1945 г. литературное объединение при Обкоме ВЛКСМ выпустило сборник «Кыайыы ыһыаба» («Ысыах Победы»), в который вошли произведения якутских и советских поэтов и писателей, а также статья С.И. Боло «Организа-

ция якутского национального праздника ысыах». В предисловии вкратце была изложена история эволюции праздника. Автор пишет, что первоначально ысыах имел мифоритуальное содержание. В период междуусобицы «кыргыз үйэтэ» (XVI – начало XVII в.) он становится подлинным смотром боевых сил, где лучшие воины соревновались в меткости стрельбы из лука (далла мэндэтии), в искусстве владения боевыми орудиями: батасом, копьем и т.п. Затем, на рубеже XVIII–XIX вв., праздник приобретает жизнеутверждающее начало, и его основной идеей становится консолидация народа. Далее в статье приводятся названия и виды ритуальной посуды, песенно-танцевального репертуара праздника, массовых игр и спортивных состязаний. Например, конные скачки (сылгы ооннуута) делятся на четыре вида: скачки на скорость (ат сүүрдүүтэ), рысцей (сиэллэрии), иноходью (дьоруолаты) и шагом (хаамтары). Устраивали также скачки на быках без седла и запрягая их в сани [Боло, 1945, с. 52–63].

Летом 1945 г. по всей республике состоялись праздники ысыах, посвященные Великой Победе. В с. Ытык Кюёль на праздник собрался народ из 20 колхозов района. Были воздвигнуты коновязи сэргэ, к которым привязали лошадей в традиционном убранстве. В центре тусюлгэ стояли сотни предметов кумысной ритуальной посуды. Все женщины были одеты в национальные платья. Ысыах открылся благословением алгыс в честь воинов-победителей. Затем состоялся показ пьесы-мифа «Эллэй Беге и Омогой Баай». Далее четверо сказителей на четырех площадках одновременно исполнили эпос олонхо [Дмитриев, 2008, с. 155–157]. Ысыах Победы, проведенный в июне 1945 г. в Усть-Алданском районе в местности Мюрю, возле с. Борогонцы, был запечатлен в киноочерке Иркутской студии кинохроники. Праздник постарались организовать, следуя традиционным канонам. Правда, праздничное сооружение Аар Багах заменили трибуной с огромным портретом И.В. Сталина, под которым после алгыса установили чорон с кумысом. Алгыс проводил старейший сказитель Иван Говоров в сопровождении 9 юношей и 8 девушек с чоронами в руках. В отчете Усть-Алданского района за 1945 г. написано, что на Ысыахе Победы приняли участие 10828 человек; для приготовления кумыса

надоено 540 кобылиц, использовано 10 пудов масла; собрано на праздник по колхозам 713 чорон и кумысной утвари, сплетено 4 тысячи 58 метров веревок из конского волоса (ситии); в конных скачках приняло участие 78 отборных лошадей [Габышева, 2015].

Военные историки отмечают, что советская пропаганда военных лет использовала три основные ипостаси массового сознания: политическую, культурную и мифологическую, выражающиеся в различных формах. Повышенное чувство внешней опасности привело к запуску специфических защитных механизмов этнической культуры, основанных на мировоззрении, духовных ценностях и мифоритуальных традициях. В начале войны наивысший подъем в своем развитии достигло устное народное творчество. Образы эпических богатырей боотуров, защищавших Родину – Срединный мир, активно подпитывали историческую память народа, поднимали национальное самосознание, воспитывали патриотизм. Новые произведения воскресили героическую модель поведения воинов и тружеников тыла, укрепляли их духовно-моральное состояние, санкционировали возрождение обрядов во имя Победы, рационализировали и оправдывали жесткие социальные установки военного времени. На первый план выходит фигура воина-героя, готового отдать жизнь ради счастья своего народа и идеалов советской власти. Исторические события и реальные герои войны как бы обрамляются мифами. Образ героя-вождя Сталина возвеличивается до ранга солнечного божества күн айыы, защищающего счастье и благополучие всего человечества.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны традиционная культура якутов продемонстрировала себя как функционально обусловленная структура, призванная способствовать адаптации своих носителей к экстремальным условиям и тем самым обеспечить самосохранение народа. Она основывалась на идее о всеобщности жизни, обуславливающей взаимосвязь всех объектов и явлений Вселенной. Личные трагедии и страдания воспринимались как часть общей судьбы многонационального советского народа. Жизнеутверждающая в своей основе культура саха с «немеркнущей судьбой» стала одной из духовных истоков Великой Победы.

Литература

Аввакумов Е.К. Үһүс үйэтигэр үктэммит нэһилиэк. – Якутск: СМУК-мастер, 2006. – 348 с.

Алексеев Е.Е. Трагические страницы истории сельского населения // Илья Егорович Винокуров (1896–1957 гг.). – Якутск: Бичик, 2006. – С. 60–78.

Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма 1941–1945. История и психология подвига. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 502 с.

Атласов Г. Дьоруойга түһэрэн баран көрдөрө мартырдара. Атаҕастаммыт кыһытын билбит хорсун саллаат кэпсээнэ // Саха Сирэ. – 2016. – Ыам ыйын 10 к.

Боло С.И. Саха национальнай бырааһынньыга – ыһыах тэрээһинэ // Кыайыы ыһыаҕа: саха народнай бырааһынньыгар – ыһыахха анаан таһаарыы / отв. ред. А. Бэриак. – Якутск: Гос. изд-во ЯАССР, 1945. – С. 52–63.

Боякинов М. Религианы утары пропаганданы кыһамны киинигэр // Кыым. – 1941. – Бэс ыйын 20 к.

Бравин Д.Г. Таатталар Ийэ дойду көмүскэлигэр (ахтылар). – Ытык Кюель: Таггинская районная типография, 1995. – 108 с.

Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: на материале традиций саха. – Новосибирск: Наука, 2005. – 307 с.

Бравина Р.И. Шаманы – избранные Небес и духов. – Якутск: Бичик, 2018. – С. 160.

Васильев Г.М. Живой родник. Об устной поэзии якутов. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1973. – 303 с.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. – Якутск: Бичик, 1995. – 224 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / сост.: Ю.А. Поляков и др. – М.: Наука, 1992. – 207 с.

Габышева А. Об Ысыахе Победы // Эхо столицы. – 2015. – 26 июня.

Гавриил Дмитриевич Протодияконов / сост. А.А. Борисова. – Якутск, 2005. – 120 с.

Гурвич И.С. Современные якутские мастера устного народного творчества о героизме на войне и в тылу // Советская этнография. – 1948. – № 3. – С. 205–207.

Дмитриев П.Н. Айылбаттан айдарыылаахтар: ыстатыйалар, бэлиэтээһиннэр, очеркалар. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2008 – С. 155–157.

Дьяконов Н.Х. Сколько человек погибло от голода // Чолбон. – 1992. – № 4. – С. 145–153.

Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне. 1941–1945 гг. – М.: ИРИ РАН, 2000. – 277 с.

Иванов Н.И. Куола учуутал кэс тыла. Фольклорнай суруйуулар, ыстатыйалар. – Якутск, 1996. – 170 с.

Күннүк Уурастыырап. Ыһыах уонна кинини тэрийии туһунан // Кыым. – 1944. – Ыам ыйын 7 к.

«Мин тыыннаахпын биллэрэбин...» 1941–1945 сс. Аҕа дойду Улуу сэриитин кыттыылаахтарын суруктара (Горнай улууһа). – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1995. – 121 с.

Мухомлева С.Д. Якутские проклятия-кырыыс // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. трудов. – Якутск: ЯИНЛИ СО РАН, 1991. – С. 119–131.

Мухомлева С.Д., Павлова Н.В. Письма Г.В. Ксенофонтова академику Ю.М. Соколову (1934–1935) // Studia Litterarum. – 2019. – Т. 4. – № 4. – С. 336–361.

НА – Национальный архив РС (Я). Ф. 3. Оп. 125. Д. 367.

Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. ред.: А.Н. Сахаров, А.С. Сеньявский. – М.: Гриф и К, 2010. – 730 с.

Народ саха от века к веку: Очерки истории / Е.П. Антонов, А.А. Борисов, С.И. Боякова и др.; отв. ред. В.Н. Иванов. – Новосибирск: Наука, 2003. – 327 с.

Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. Трудящиеся Якутии в тылу: в 2 ч. – Якутск: Кн. изд-во, 1992. – Ч. 2. – 320 с.

Петров П.Д. Достояние истории. – Якутск: РИО медиа-холдинга, 2015. – 248 с.

Русский фольклор Великой Отечественной войны / отв. ред. В.Е. Гусев. – М.; Л.: Наука, 1964. – 480 с.

РФ – Рукописный фонд архива ЯИЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. Хр. 67, 70.

Саллааттар суруктара: Саха сирин буйуннара 1941–1945 сс. сэрии толоонуттан ыппыт суруктара / сост. Д.Д. Петров. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1970. – 344 с.

Санникова Я.М. Коллективизация сельского хозяйства Якутии (1929–1940 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 1999. – 23 с.

Сеньявская Е.С. 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. – М.: ИРИ, 1995. – 218 с.

Сеньявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 288 с.

Синицын Ф.Л. Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945. – М.: Центрполиграф, 2018. – 543 с.

Сметанин Т.Е. Егор Чээрин. – Якутск: Якутское книгоиздательство, 1985. – 60 с.

Үөгэн ууһа уонна нэһилиэгэ. Томпо оройуона / сост.: Н.С. Николаев, А.А. Бурцев, В.Г. Кутяркин. – Якутск: Көмүөл, 2012. – 348 с.

Фронтовая печать о войнах из Якутии: сборник статей, очерков, корреспонденции, заметок, сообщений / сост. Д.Д. Петров. – Якутск: Кн. изд-во, 1982. – 116 с.

R.I. Bravina

Picture of War by the Yakuts' Eyes (1941-1945)

The article makes an attempt at a historical and ethnographic interpretation of the “picture of the war” in the national-ethnic consciousness of the Yakuts and related motivations for the behavior and spiritual and moral condition of the people both on the fronts of the Great Patriotic War and in the deep rear. Of particular importance in the context of the problem under study are myth-making and mythologization in the prewar and war years. This applies to such socio-political and economic phenomena as collectivization, the cultural revolution, the fight against shamanism, as well as the attitude and behavior of soldiers on the fronts. A special place is given to the influence of oral folklore on the formation of the status and personality of a defending warrior. For the first time, the subjects of front-line folklore - the oral art of Yakut soldiers - were touched. Much attention is paid to the life of collective farmers in conditions of “war hunger”, the significance of mythological practice in the spiritual mobilization of the people.

As sources, along with ethnographic and folklore data, we used front-line letters, materials of republican newspapers, memoirs and local history books, oral stories, as evidence of the historical and cultural memory of the generation of the war and post-war period.

Keywords: Great Patriotic War, Yakutia, myth-making and mythologization, front-line folklore, “war famine”, ritual practice, Ysyakh of Victory Day